

подчеркивает высокое звучание державинского языка, называя его «вещим, пророческим глаголом».¹³ Для Державина поэзия — это «высокие божественные мысли» и это вместе с тем «многосодержащие изречения».¹⁴ Так он сам определяет свою поэтику. И эта поэтика не могла не быть близкой Шевыреву и поэтам его кружка.

В своем стремлении создать стилистические средства поэзии размышляющей Шевырев и поэты философского направления обратились к языку, одновременно и старому и новому, к одическому языку XVIII в., к языку Державина. Высокий язык оды, обретший после Державина значительную степень свободы, не потеряв при этом и своей высоты, естественно противостоял обыденности и легкости поэтического разговора — той легкости, которая поначалу казалась абсолютно противоположенной всякой генерализации, всякому обобщению.¹⁵ Это был язык, который «исторгал из пелен плоти» и «из всех земных пределов», окрыляющий и возносящий, выходящий из мира конкретного и сугубо земного в мир космический и вневременной. Это был язык пророков. А такого языка как раз и требовала поэтическая программа и Шевырева, и Тютчева, и многих других поэтов, поставивших целью создать в России высокую философскую поэзию.

Искания Шевырева и Любомудров, их напряженный интерес к поэзии Державина и самые истоки такого интереса позволяют многое понять и в тех переменах, которые наметились с середины 20-х годов и в отношениях к Державину Пушкина. Б. В. Томашевский писал: «По-видимому, в дни пересмотра своего поэтического пути Пушкин задумывался над поэзией Державина».¹⁶ Это замечание Томашевского, соотнесенное им со временем написания оды «Вольность», с еще большим правом можно отнести к середине 20-х годов, ко времени, когда у Пушкина происходил наиболее резкий и наиболее основательный «пересмотр творческого пути». В самом деле, после декабрьских событий 1825 г.

¹³ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. I. Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 48.

¹⁴ См.: Г. Р. Державин. Рассуждение о лирической поэзии. В кн.: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. VII. СПб. 1883, стр. 576.

¹⁵ Интересно в этом смысле признание Белинского, который писал, что в детстве, в сопоставлении с поэзией Державина, ему «поэзия Пушкина казалась слишком простою, слишком кроткою и лишенною всякого полета, всякой возвышенности» (В. Г. Белинский. Русская литература в 1841 году. Полное собрание сочинений, т. V, Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 535).

¹⁶ Б. Томашевский. Пушкин, кн. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 156.